

Научная статья
УДК 343.01

Общепреventивное воздействие норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства

Алексей Александрович Кузнецов, кандидат юридических наук, доцент

Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) Сочи (Краснодарский край, 354000, ул. Дагомысская, д. 42), Российская Федерация
omsklaw07@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>

Аннотация:

Введение. Меры государственного принуждения, применяемые к лицам, совершившим преступление, не могут быть эффективными без сформированной идеологии противодействия преступности, которая в равной степени пронизывает как уголовное, так и уголовно-исполнительное законодательство. **Общепреventивное воздействие**, в отличие от специального, традиционно связывается в доктрине преимущественно с нормами уголовного права, тогда как средства уголовно-исполнительного характера принято рассматривать как инструмент, ориентированный исключительно на осужденных. Между тем подобное разделение представляется искусственным, не учитывающим исторической традиции единства карательного и пенитенциарного регулирования, а также современных реалий формирования общественного сознания. В настоящей статье предпринята попытка пересмотреть устоявшиеся представления об оказании общего превентивного влияния на население применения норм уголовно-исполнительного законодательства. **Методы.**

Для достижения целей исследования применялись различные научные методы: материалистическая диалектика как универсальный метод познания, общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический метод в сочетании с герменевтическим, а также частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции, опросы и анкетирование как разновидность социологического метода.

Результаты. Вопреки распространенному в отечественной доктрине мнению о второстепенной роли уголовно-исполнительного права в общей превенции, автором обосновывается положение, согласно которому сама возможность реализации общепреventивного воздействия заложена в исторически сложившемся негативном отношении общества к наказанию и процессу его отбывания. Результаты проведенного анкетирования свидетельствуют о наличии у населения устойчивого представления о тяготах и лишениях, сопровождающих реализацию уголовного наказания. Опрос сотрудников уголовно-исполнительной системы показал, что большинство из них скептически оценивают общепреventивный потенциал применяемых мер, что во многом обусловлено догматическим разделением уголовного и уголовно-исполнительного права в советской и постсоветской науке. Автор приходит к выводу, что искусственное размежевание двух отраслей привело к недооценке роли стадии исполнения наказания в формировании общественного правосознания. Возврат к пониманию единой природы уголовно-правового принуждения, где наказание и его реализация представляют собой неразрывные элементы, способен повысить эффективность общего предупреждения преступлений без расширения репрессивного аппарата.

Ключевые слова:

ответственность, уголовное право, уголовно-исполнительное право, государственное принуждение, уголовно-правовое воздействие, общее предупреждение, превенция

Для цитирования:

Кузнецов А. А. *Общепреventивное воздействие норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства* // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (110). С. 117–126.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026;
одобрена после рецензирования 25.05.2026;
принята к публикации 25.06.2026.

Original article

The general preventive impact of provisions of criminal and penal legislation

Alexey A Kuznetsov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice
42, Dagomysskaya str., Sochi, Krasnodar region, 354000, Russian Federation
omsklaw07@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>

Abstract:

Introduction. *The effectiveness of state coercive measures applied to individuals who have committed crimes depends on the existence of a well-defined ideology of crime control, which is consistently reflected in both criminal law and penal legislation. The principle of general deterrence, as distinguished from specific deterrence, is conventionally linked in legal doctrine primarily with the provisions of criminal law. At the same time, penal enforcement measures are generally regarded as instruments focused only on convicted offenders. Nevertheless, this distinction seems somewhat artificial, as it fails to take into account the historical tradition of treating penal and correctional regulation as a unified system, as well as the contemporary realities of formation of public opinion and legal consciousness. The present article seeks to re-examine the prevailing understanding of the general preventive impact of implementing provisions of correctional legislation.* **Methods.** *To achieve the research objectives, various scientific methods were applied, including dialectical materialism as a universal method of cognition, general scientific (such as system-structural analysis, synthesis, induction, deduction), the historical method combined with the hermeneutic method, as well as specialized research methods, including comparative legal analysis, legal modelling, extrapolation, and socio-logical methods in the form of surveys and questionnaires.* **Results.** *The prevailing Russian legal doctrine, which assigns a secondary role to penal enforcement law in achieving general prevention is contradicted by the author's argument that the possibility of achieving a general preventive impact is grounded in society's historically established negative attitude and perception towards punishment and the process of serving a sentence. The findings of the questionnaire survey indicate that the public has a firmly established perception of the hardships and deprivations associated with the enforcement of criminal punishment. The survey of personnel within the penal system has revealed that the majority of respondents are sceptical about the preventative potential of measures being implemented. This perspective is primarily attributable to the rigid dichotomy between criminal law and penal law, which has been traditionally upheld in Soviet and post-Soviet academic discourse. The author concludes that the artificial distinction of these two branches has led to an underestimation of the role played by the enforcement of punishment in shaping public legal consciousness. A return to the principle of a unified system of law and law enforcement, in which the punishment and its law enforcement are inextricably linked and inseparable, has the potential to improve and enhance the effectiveness of general crime prevention without expanding the law enforcement apparatus.*

Keywords:

liability, criminal law, penal law, state coercion, criminal law impact, general deterrence, prevention

For citation:

Kuznetsov A. A. The general preventive impact of provisions of criminal and penal legislation // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 2 (110). P. 117–126.

The article was submitted March 20, 2026;
approved after reviewing May 25, 2026;
accepted for publication June 25, 2026.

Введение

Любые меры принуждения отображают позицию государства в отношении тех, кто совершил общественно опасные деяния. Эти средства так или иначе максимально политизированы, неся в себе основной посыл власти как к тем, кто уже совершил преступление, так и к тем, кто еще не преступил черту уголовного закона. Сущность такого посыла содержит (или должна содержать) идеологический заряд, позволяющий донести в первую очередь до практических органов и до населения в целом центральную идею противодействия преступности, которая актуальна для данного временного отрезка. Именно эта идея и несет в себе основной заряд общепреventивного воздействия в отношении населения в целом, представляя собой начала общего противодействия преступности, которым сегодня в отечественной доктрине внимания уделяется не так много [1, с. 131–138; 2, с. 85–88].

Методы

Исследование общепреventивного воздействия норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства проводилось с использованием как общенаучных, так и частнонаучных методов познания. Универсальной методологической основой выступила материалистическая диалектика, позволившая рассмотреть эволюцию представлений о превентивной функции наказания и его исполнения в историческом развитии. Применение системно-структурного метода, анализа, синтеза, индукции и дедукции дало возможность выявить взаимосвязи между уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными средствами принуждения в их влиянии на общественное сознание. Исторический метод, дополненный герменевтическим подходом, обеспечил понимание трансформации законодательных формулировок целей исполнения наказания от Исправительно-Трудового кодекса РСФСР 1924 г.¹ до современного Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации² (далее – УИК РФ). Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления доктринальных позиций относительно роли общей и частной превенции в обеих отраслях права. С помощью метода правового моделирования и экстраполяции сформулированы выводы о потенциальной эффективности объединенного механизма предупредительного воздействия. Наконец, социологический метод, реализованный через анкетирование и опросы граждан (1 250 респондентов) и сотрудников уголовно-исполнительной системы (123 респондента), позволил эмпирически подтвердить наличие у населения сформированного, хотя и не основанного на юридических знаниях, представления о карательной сущности исполнения наказания, что составляет основу реального общепреventивного эффекта.

Результаты

Между тем идеология противодействия преступности не может концентрироваться в пределах той или иной правовой отрасли, представляя собой основу единого механизма превенции. Невозможно отдельно разрабатывать и тем более внедрять в жизнь совершенно самостоятельные идеи в уголовном и уголовно-исполнительном законодательствах. Так же, как это, кстати, невозможно и применительно к другим сферам правового регулирования: административно-правовой, гражданско-правовой и т. д. Общепреventивное воздействие на то и общее, что не может реализовываться в пределах одной группы норм или одного направления воздействия. В этом отношении ответственность применительно к исследуемым в настоящей работе сферам правового регулирования, представляя собой по своей сути одно явление – принуждение в отношении тех, кто совершил преступление, идеологически, политически и даже экономически не может иметь разнонаправленный характер. Более того, при наличии разнонаправленных векторов как внутри каждой из отраслей, так и между ними, получение общепреventивного эффекта становится крайне затруднительным. Общее предупреждение преступлений, о котором так много в свое время было написано отдельными авторами, может быть реализовано исключительно при межотраслевом взаимодействии и совершенно неэффективно в случае приложения усилий в рамках отдельно взятой отрасли правового регулирования общественных отношений [3, с. 24]. В свою очередь та разобщенность, которая сегодня характерна для уголовного и уголовно-исполнительного права и законодательства, не может способствовать реализации данной задачи государства в его деятельности по противодействию преступности.

В основе такого разделения лежит сформировавшееся и в какой-то мере абсолютизированное представление относительно того, что все средства, применяемые в рамках уголовно-исполнительного права, способны оказывать лишь специально-преventивное воздействие, т. к. они остаются за пределами восприятия абсолютного большинства граждан и сконцентрированы на отдельно взятой категории – на тех, кто уже совершил преступление и признан в этом виновным³. Такой взгляд при безусловно серьезной доктринальной основе и традициях

¹ Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР : постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 16 октября 1924 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870. Утратил силу.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

³ Так, Е. Ю. Евстигнеева, исследующая механизм реализации норм уголовно-исполнительного права, считает, что основной задачей норм, закрепляющих реализацию наказания в виде лишения свободы, является формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, т. е. исправление осужденных (Евстигнеева Е. Ю. Механизм реализации норм уголовно-исполнительного права, регулирующих исполнение наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2008. с. 23). Вторит ей в этом отношении и И. Н. Коробова, которая отмечает, что перед нормами уголовно-исполнительного законодательства стоит совершенно самостоятельная цель формирования правомерного поведения осужденного (Коробова И. Н. Эффективность норм уголовно-исполнительного права : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 98).

не всегда объясняет правовую природу средств принуждения, применяемых в рамках уголовно-исполнительного законодательства. Важно при этом отметить, что его преобладание в доктрине происходит несмотря на то, что сам УИК РФ в ч. 1 ст. 1 так или иначе содержит указание на обязательность общей превенции. В частности, закон говорит: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». Впрочем, сама формулировка, в которой очередность видов предупреждения (на первом месте специальное), а также тональность законодателя (расстановка акцентов – «так и иными лицами»), при отсутствии указания на общество в целом как раз и позволяет вести речь об абсолютизированной позиции в пользу специального предупреждения преступлений. Все это, по мнению В. В. Бочкарева, «не позволяет в полном объеме сформировать единую юридическую конструкцию профилактики преступлений на уровне уголовно-исполнительного закона», оставляя его на традиционных позициях крайне узконаправленного действия [4, с. 20].

Отметим, что Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. в ст. 2 определял, что, например, такой вид наказания, как лишение свободы, имеет целью как общее предупреждение преступлений со стороны неустойчивых элементов общества, так и предупреждение дальнейших посягательств преступника. «Исправительно-трудовые учреждения создаются для приспособления преступника к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, соединенного с лишением свободы, для предотвращения возможности совершения дальнейших преступлений». Более того, отмечают В. В. Бочкарев и Д. В. Горбань, законодатель этого периода в ст. 10 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. закрепил, что для наиболее успешной борьбы с преступностью и предупреждения развития рецидива исправительно-трудовую систему РСФСР дополняют учреждения, оказывающие различные виды помощи освобождаемым из мест заключения [5, с. 17–18; 6, с. 155–156]. В свою очередь, уже Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 18 декабря 1970 г.⁴ определял своей задачей обеспечение исполнения уголовного наказания с тем, чтобы оно не только являлось карой за совершенное преступление, но исправляло и перевоспитывало осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития, предупреждало совершение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а также способствовало искоренению преступности. Видно, что идея общего предупреждения хотя и не была исключена законодателем полностью, но оказалась завуалированной в формулировке «так и иными лицами, а также способствовало искоренению преступности»⁵.

Обращая внимание на эту проблему, специалисты отмечают: «Несмотря на столь значимую роль предупреждения преступлений со стороны осужденных в деле функционирования учреждений и органов УИС⁶, а также длительный период законодательного развития предупредительного направления в пенитенциарном праве, в УИК РФ не предусмотрены задачи и принципы уголовно-исполнительного законодательства, связанные с предупредительным воздействием на осужденных, не обозначена конструкция системы средств предупредительного воздействия на осужденных, не закреплено специальное понятие „предупреждение совершения осужденными новых преступлений“» [5, с. 18].

Важно отметить, что уже сложившаяся ситуация также не отвечает предлагаемой нами идее ответственности в уголовно-правовой сфере. Единство ее механизма предполагает возможность участия в обоих уровнях превенции всех средств воздействия независимо от разделения на уголовно-правовой или уголовно-исполнительный блоки (либо такое разделение должно носить условный характер). И здесь, во-первых, крайне важно определить общепреventивный потенциал тех мер, которые отражены в уголовно-исполнительном законодательстве, а во-вторых, установить их связь со средствами в чистом виде уголовно-правового характера, обозначив таким образом их взаимозависимость друг от друга, в т. ч. и в вопросе общего предупреждения преступлений. Все это позволит в целом определить, каковы вообще перспективы общего предупреждения у всей отрасли, независимо от ее разделения на сферы и тем более статуса субъектов, в отношении которых происходит само регулирование и принуждение. От этого во многом будет зависеть и выбор конкретных средств, которыми эта отрасль должна будет наполняться.

В свое время Аристотель говорил, что «толпа воздерживается от дурных поступков не из высоких побуждений, а из страха перед наказанием; она повинуетя необходимости и карам

⁴ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 18.12.1970) (ред. от 21.12.1996) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 753. Утратил силу.

⁵ Там же.

⁶ УИС – уголовно-исполнительная система (прим. авт.).

больше, чем советам и голосу совести...» [7, с. 76]. По большому счету вся суть общей превенции, именно стадии исполнения наказания, выражена в одном кратком, но емком суждении великого философа, хотя современные исследователи с ним не всегда соглашались. Так, Л. К. Еськова отмечает, что устрашение выступает важнейшим элементом как раз специальной превенции, доминируя именно в данном виде предупреждения, оказывая при этом незначительное влияние на превенцию общую [8, с. 13–18]. В этом высказывании вся суть противоречия между уголовным и уголовно-исполнительным правом, т. к. вопрос общего предупреждения преступлений – один из ключевых, способный как объединить, так и разделить все средства государственного принуждения. Однако за общепреventивное воздействие средств, регламентируемых уголовно-исполнительным правом, сегодня высказываются не так много специалистов. «Общее предупреждение как цель уголовно-исполнительного законодательства, отмечается авторами, реализуется опосредованно. Предусмотренные законом меры принуждения, достаточно жесткие условия отбывания наказания, ограничение прав и свобод осужденных должны воздействовать на неустойчивых граждан. Однако в данном случае имеет место психологическое воздействие не только на неустойчивых, но и на правопослушных граждан, поскольку в их сознании таким образом реализуется социальная справедливость и формируется уважение к закону»⁷. И это так же верно, как утверждение, согласно которому сама позиция относительно роли уголовно-исполнительного права в общей превенции, крайне зыбка. В. В. Лунеев прямо отмечал, что вся мировая пенитенциарная практика свидетельствует об отсутствии реальных механизмов перевоспитания, а ее показатель колеблется в пределах 30–50 %⁸. В то же время А. А. Пионтковский, анализируя исправительно-воспитательные институты Северной Америки конца позапрошлого столетия, делает вывод о значительно большем эффекте общепреventивных мер на перевоспитание осужденных, отмечая при этом их увлеченность чтением и обсуждением литературы, интеллектуальным развитием, получением профессиональных навыков, а также изучением и принятием общих нравственных начал и моральных установок. Акцент со стороны администрации учреждения именно на этом позволяет добиться больших успехов, чем применение мер принудительного характера⁹ [9].

Несмотря на доминирование в отечественной доктрине позиции о преобладании частной превенции в средствах воздействия уголовно-исполнительного характера¹⁰ [9, с. 25–26], мнение специалистов в данном вопросе нельзя назвать единым. Так, из 123 сотрудников уголовно-исполнительной системы, которым был задан вопрос о возможности общепреventивного воздействия средств, применяемых к лицам, осужденным за совершение преступлений, 109 указали на спорность самой возможности такого воздействия средствами уголовно-исполнительного принуждения. 12 человек сочли допустимой общую превенцию в ходе реализации средств принуждения, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством. Два респондента не имели по данному вопросу собственного мнения, но заявили, что оба вида превенции вполне допустимы для уголовно-исполнительного права и законодательства.

Общее представление населения об исследуемом явлении было получено в ходе опроса граждан, никак не связанных с уголовно-исполнительной системой, причем уровень образования и социальный статус опрашиваемых в расчет не принимались. Всего за период 2022–2025 гг. было опрошено 1 250 граждан на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, городов Краснодар, Сочи и Ростова-на-Дону, в возрасте от 25 до 60 лет. Респондентам были заданы всего два вопроса: знают ли они, какие меры могут применяться к лицам, отбывающим наказание за допущенные нарушения, а также откуда они это знают (если ответ на первый вопрос был утвердительным)?

Интересно, что 100 % опрошенных полагают, что при нарушении правил отбывания наказания должны следовать какие-либо меры ответственности. При этом разброс мнений

⁷ Уголовно-исполнительный кодекс РФ : [сайт]. URL: <https://uikod.ru/obshchaya-chast/razdel-1/glava-1/st-1-uik-1/rf/kommentarii> (дата обращения: 26.12.2025).

⁸ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : [в 2 т.]. Москва : Юрайт, 2011. Т. 1: Общая часть. С. 961–962.

⁹ В частности, автор пишет, что: «Весь механизм Эльмирского института направлен на создание для заключенных условий, могущих благотворно отразиться на их физическом и духовном я, развить в них человеческое достоинство, привычки к честной и трудовой жизни и убить преступные наклонности» (См.: Пионтковский А. А. Исправительно-воспитательные институты в Северной Америке // [Сочинения] А. А. Пионтковского. Ярославль : типо-лит. Э. Г. Фальк, 1897, 26 с.).

¹⁰ См.: Бочкарев В. В. Уголовно-исполнительные средства предупреждения преступлений со стороны осужденных в местах лишения свободы // Право и политика : [сетевое издание]. 2016. № 8. С. 1014–1023. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=52679. <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2016.8.15545> ; Марцев А. И. Специальное предупреждение преступлений : учебное пособие. Омск : Омская высшая школа милиции, 1977. 84 с.

в данной части был достаточно широк: от назначения нового наказания или увеличения объема ранее назначенного вплоть до физических наказаний. Также крайне важно, что нередко респонденты достаточно верно называли те средства принуждения, которые сегодня фактически существуют. В основном это относится к помещению нарушителей в какие-либо специализированные помещения на определенный срок. В какие учреждения и на какой срок, значения не имеет, поскольку опрашиваемая категория респондентов не осведомлена о подробностях содержания заключенных. А вот ответы на вопросы – почему они так думают и существует ли вообще источник информации, из которого они черпали такие данные – весьма и весьма разнообразны. Их разброс – от личного проявления интереса к данной тематике (2–3 % респондентов) до кинематографа; художественной (в основном детективной либо исторической) литературы, общения с другими людьми (не обязательно осужденными за совершение преступлений) и др.

Можно сделать вывод, что общее представление у граждан о тяготах и лишениях, сопровождающих реализацию уголовного наказания, безусловно, присутствует. Это представление носит однозначно негативный, лишенный романтизма, характер. В связи с этим говорить о том, что средства принуждения, типичные для уголовно-исполнительной системы, не способны оказывать влияния на общественное сознание, а соответственно, и на общее предупреждение преступлений, не совсем корректно. В этом отношении абсолютно прав законодатель, который в рамках ст. 1 УИК РФ, хотя и косвенно, но тем не менее на данное направление действия норм уголовно-исполнительного права все же указывает.

С. В. Максимов в своей работе, посвященной общему предупреждению преступлений, одну из глав назвал «От страха к привычке» [3, с. 4], и это именно то самое состояние, которое характерно для любого человека применительно к каре и возмездию. Это исторически воспитанное и отчасти генетически переданное чувство, объяснить которое ни один из обывателей-респондентов по сути логически не способен, но при этом давая все основания полагать, что оно носит откровенно бессознательный характер. Нельзя не согласиться с автором, что первичным универсальным источником общепреventивного воздействия выступает весь криминально-правовой комплекс, порождающий существование криминально-правового сознания, включающего соответствующие знания, представления, требования, оценки, эмоции и др. [3, с. 37]. Только при таком видении могло сформироваться то отношение к исполнению наказания, которое мы увидели в ходе опроса обычных граждан. Впрочем, с учетом того, что исторически разделение на отдельные правовые сферы не было типичным, иной позиции по данному вопросу, скорее всего, быть не может.

Единое законодательство обеспечивало и централизацию в формировании общественного сознания, которое базировалось на общем представлении о каре со стороны государства. Отсюда и тот, на первый взгляд, не совсем объяснимый, но уже сформировавшийся подход к отбыванию наказания как к негативному явлению. В этом и суть общей превенции, мощным фундаментом которой является ее историческая обусловленность. Общее понимание и общее представление о наказании и процессе его реализации среди простых граждан при отсутствии искусственного культивирования идеи их романтизации неизбежно влечет возникновение общепреventивного эффекта.

Психология общественного сознания такова, что его формирование строится на значительном количестве факторов, от исторического до ситуативного, и зависит от целого ряда субъективных обстоятельств: видений, представлений, предубеждений, установок и предубеждений, моды (неважно на что) и многого другого. Например, применительно к средствам уголовно-правового воздействия М. В. Бавсун пишет, что в его содержании имеется информационное начало, способное оказывать влияние на общественное сознание, в меньшей степени ориентируясь на отдельно взятую личность. Отсюда, отмечает автор, спорной видится и концепция уголовно-правового воздействия, подразумевающая в качестве ее центрального элемента наказание, а все остальные средства уголовно-правового характера – в качестве вспомогательных составляющих, способных лишь определять, усиливать или смягчать его применение¹¹. И. Э. Звечаровский, например, не наделяет статусом уголовно-правовых средств принудительные меры медицинского характера в связи с отсутствием у лица в момент совершения деяния осознания общественной опасности своего поведения [10, с. 20]. Поддерживает его и С. И. Курганов, полагающий, что основанием для применения мер уголовно-правового характера может выступать только правонарушающее поведение, которое при этом соотносится с наказанием (принуждением) [11, с. 62].

¹¹ Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие (идеология, цели и средства реализации) : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. С. 49.

«Опираясь на обозначенную позицию, часто сводимую в отечественной доктрине к представлению об уголовно-правовом воздействии как о перечне мер, способных оказать влияние только на лиц, уже совершивших преступление, можно увидеть его полное отождествление с наказанием. Между тем, учитывая толкование термина „воздействие“, нужно отметить, что его оценка исключительно с позиции карательного содержания выглядит искусственно зауженной и непродуктивной. Полагаю, что именно такое представление о содержании уголовно-правового реагирования на преступность значительным образом, во-первых, отличает ее от подхода, сформировавшегося к данной проблеме за рубежом, а во-вторых, создает существенные ограничения в установлении конкретных средств противодействия преступности в России. Перечень средств для получения положительного эффекта от подобной деятельности должен, наоборот, двигаться в направлении его расширения и не сводиться к одному способу реагирования на преступность – наказанию.

На основании этого при формировании комплекса мер уголовно-правового воздействия важен не только учет правонарушающего поведения виновного или соответствие выбираемых мер критерию специального предупреждения преступлений, но и их возможность оказывать влияние в целом на общество, а также способность находиться в рамках нормативно закрепляемых целей и задач их реализации. Нет сомнений в том, что указанные выше критерии имеют немалое значение при определении того, что конкретно должно составлять содержание института уголовно-правового воздействия, однако следует признать их второстепенную роль по отношению к целям и задачам, от которых напрямую зависит наполнение содержания любого явления. Сам факт включения какого-либо элемента в структуру исследуемого института зависит от наличия потребности противодействия тому или иному явлению, желания достичь определенных результатов, что и обуславливает не только само содержание воздействия, но и направленность используемых при этом средств»¹².

То же самое можно сказать и о способности средств уголовно-исполнительного характера, которые в действительности оказывают гораздо большее влияние на сознание человека, чем те функции, которыми их привыкли наделять. Во многом это обусловлено современными условиями жизни, в частности, появившимися возможностями коммуникации как таковой. Недаром «современная философия вновь стала обращаться к теме интерсубъективности как отражения происходящих в современных коммуникативных реалиях перемен» [12, с. 23]. Интерсубъективность так же, как и современная коммуникация как таковая, начала приобретать элементы открытости, сохраняя социальность и межличностность. Одновременно массовая коммуникация и межличностное общение взаимопересекаются и взаимообогащаются [13]. «Сегодня массовой коммуникации подвластна не только эта реальность, но ею создан новый мир...» [12, с. 23].

Прогресс серьезно повлиял на психологический фактор, который всегда присущ коллективному сознанию, чутко реагирующему на любые трансформации. С учетом их управляемости и целенаправленности в большинстве случаев общее восприятие начинает носить всеобъемлющий характер. Отсюда и тезис, согласно которому средства принуждения, применяемые к ограниченному числу лиц, отбывающих наказание, способны оказывать соответствующее влияние на коллективное сознание. И дело в данном случае не в распространенности их самих или той негативной информации о них, которая была бы способна оказывать такое влияние. Достаточно самого отношения к наказанию как к наиболее репрессивному средству принуждения, априори не способному избежать негативных последствий, по отношению к тому, кто был признан виновным в совершении преступления. Наказание изначально, т. е. исторически, относится к категории явлений, реализация которых в реальности носит однозначно отрицательный характер с точки зрения отдельно взятого субъекта правоотношения. Собственно, именно об этом говорят и данные опроса граждан, которые были приведены выше.

Данной категории респондентов был задан и другой вопрос, касающийся исключительно их отношения к наказанию как к средству принуждения государством тех, кто допустил общественно опасное поведение. Все опрошенные отметили однозначно негативную окраску самого термина – наказание, не говоря уже о его содержательной части, включающей элементы принуждения, кары и возмездия, каждый из которых способен иметь отрицательные последствия, причем эти последствия обладают отрицательным характером как для самого виновного, так и для общества в плане социально-психологических реакций на такое принуждение со стороны осужденного или их отдельных групп.

Что интересно, даже если провести анкетирование подростков и детей, то с большой долей вероятности можно предположить, что отношение к данной категории будет если и не

¹² Бавсун М. В. Указ. соч. С. 198.

аналогичным, то вряд ли принципиально иным, хотя образование и уровень их развития по идее этого не предполагает. У данных субъектов правоотношений серьезное влияние на восприятие именно наказания оказывает прямая зависимость (во всех смыслах этого слова) от родителей, и их восприятие зачастую оценивается через категорию – должное [14, с. 96–100], что с возрастом и трансформацией психики в чистом виде перерастает в негативное. Процесс взросления личности в данном случае напрямую влияет на ее отношение к исследуемому нами явлению, но важно совсем другое, а именно, что отношение к наказанию и, что важно, его содержанию, формируется с началом реализации минимального уровня социализации и общения. Наряду с исторической обусловленностью процесса, его институциональной поддержкой со стороны государства и субъективной значимостью для индивида, социально-психологический аспект выступает неотъемлемой частью общего механизма формирования отношения личности как к принуждению, так и к его реализации. Скрытность этих процессов для большей части населения не столь значима по сравнению с историческими и социально-психологическими процессами, которые и обеспечивают общепреventивный эффект любых средств, применяемых в уголовно-исполнительной системе.

В связи с этим С. В. Максимов делает следующий вывод: «На основе психологической концепции о борьбе мотивационных факторов можно выработать принципиально более правильный подход к изменению эффективности общепредупредительного воздействия уголовного закона и практики его применения» [3, с. 142]. В. Н. Кудрявцев считает, что «элементы поведения личности определяются не самими правовыми нормами и содержащимися в них предписаниями, а скорее представлениями об этих нормах и предписаниях, сложившимися в правосознании личности равно как и в ее нравственном сознании» [15, с. 81]. Поддерживает его и И. С. Ной, полагающий, что в том и суть общепредупредительного эффекта, что благодаря ему у субъекта правоотношения имеется вполне отчетливое понимание того, что он совершает, что за этим последует и что это будет иметь именно негативную окраску [16, с. 156]. Как правило, это не юридические знания, а общее представление об отрицательном характере последствий совершаемого преступления для виновного, которое возможно при его выявлении, основанное на историческом, социальном, психологическом и, даже генетическом факторах. При этом их эффективность многократно возрастает в случае четкого понимания неизбежности кары или возмездия за совершенное общественно опасное деяние. Речь в данном случае идет не только о наказании как таковом, и даже, наверное, не столько о нем, сколько о тех тяготах и лишениях, которые сопровождают его исполнение. Именно это страшит, и именно этот страх делает неизбежность наказания одним из наиболее жестких и репрессивных принципов всего уголовно-правового воздействия (в доктрине – лишь наказания).

«Установлено, что расчет на безнаказанность, неверие в реальность, нежелательных последствий преступного поведения входит в состав мотивационного комплекса большинства преступлений... мотивирующая роль наказания тем выше, чем неизбежнее оно представляется субъекту... Мнение о низкой раскрываемости преступлений создает неверие в действенность уголовно-правовых запретов и санкций, что делает маловероятным риск нежелательных последствий противоправного поведения, вследствие чего уголовный закон и его санкции теряют предупредительную силу...» [17, с. 31–32]. Отмечая масштабность данной проблемы, М. Д. Шаргородский пишет: «Когда остаются безнаказанными преступления, крупные или мелкие, а иногда даже такие о которых стало широко известно, т. к. о них писали газеты, это приводит к созданию в обществе представления о безнаказанности, т. е. к самому опасному с точки зрения эффективности наказания явлению» [18, с. 69]. В условиях высокой безнаказанности эффективность общего предупреждения существенно снижается, что сводит на нет результативность всей системы правосудия, в которой наказание, как известно, занимает центральное место. Как общее предупреждение, так и общее неверие в закон, кару и возмездие имеют одинаковые психологические предпосылки и установки, связь между которыми не может игнорироваться при разработке системы средств их реализации. В свою очередь система эта не может включать лишь само наказание или даже уголовно-правовое воздействие в целом, без их реализации невозможно добиться каких-либо успехов ни в общей, ни тем более, в частной превенции.

3 заключение

Искусственное разделение уголовного и уголовно-исполнительного права так же, как и законодательства, изменило отношение и к предупреждению преступлений, а точнее, к представлению о его содержании в зависимости от принадлежности к той или иной отрасли.

Исключение уголовно-исполнительной отрасли из сферы общепреventивного воздействия на общественное сознание происходило наряду с процессом разделения обеих отраслей уголовно-правового регулирования, начавшимся еще в середине позапрошлого столетия. Укрепление этой тенденции в начале двадцатого века и доминирующее культивирование в советский период обособления (разграничения предметных отраслей) различных правовых сфер в конечном итоге привело и к доктринальному разделению (по сути, тотальной специализации). В свою очередь дифференциация, которая произошла в теории, повлекла за собой создание многих догм, глубоко проработанных и серьезно обоснованных, прошедших более чем полувековую апробацию в практической деятельности государственных (включая и правоохранительные) органов. Между тем преодоление этих (как и других) догм всегда представляет собой целенаправленную деятельность, основанную на глубоком понимании тупиковости возникшей ситуации, ее опасности для дальнейшего положения вещей, отсутствии возможности прогресса или хотя бы минимального развития на том месте, где догма создала четкое представление о верности и незыблемости когда-то избранного подхода. В свою очередь признание факта равнозначности обеих отраслей права в общем предупреждении преступлений есть не что иное, как возврат к историческим тенденциям, формирование которых происходило не одно столетие и имеет общемировой характер. Это факт признания центральной роли наказания в данном процессе, роль которого не может сводиться исключительно к статусности, минуя стадию его реализации, содержащую основную часть тех тягот и лишений (репрессий), которые претерпеваются лицом, совершившим преступление и признанным в нем виновным.

Список источников

1. Бавсун М. В., Векленко В. В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. № 5 (92). С. 131–138.
2. Стебенева Е. В. Идеология в структурной модели противодействия коррупции / Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности : материалы III международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 13 декабря 2024 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2025. С. 85–88.
3. Максимов С. В., Марцев А. И. Общее предупреждение преступлений и его эффективность : монография. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1989. 235 с.
4. Бочкарев В. В. Предупредительная функция норм уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25). С. 19–25.
5. Бочкарев В. В., Горбань Д. В. К вопросу о предупреждении совершения осужденными к лишению свободы новых преступлений как цели уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Кузбасского института. 2022. № 4 (53). С. 16–24. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/4\(53\)/16-24](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/4(53)/16-24)
6. Теохаров А. К. О целях и назначении уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9 (70). С. 151–158. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.70.9.151-158>
7. Аристотель. Риторика : Поэтика : [сборник] / [перевод с древнегреческого Н. Платоновой («Риторика»), В. Аппельерта («Поэтика»)]. Москва : АСТ, 2018. 348 с.
8. Еськова Л. К. Устрашение как элемент общей превенции // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 4 (239). С. 13–17. <https://doi.org/10.51522/2307-0382-2022-239-4-13-17>
9. Пионтковский А. А. Избранные труды : монография : [в 2 т.]. Казань : Казанский государственный университет, 2004. Т. 1. 343 с.
10. Звечаровский И. Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1 (867). С. 19–21.
11. Курганов С. И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59–63.
12. Ильченко Д. А. Факторы формирования общественного сознания как открытой системы в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 22–30. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2017-3-22-30>
13. Интерсубъективность в науке и философии / Алексеев А. Ю., Антоновский А. Ю., Аршинов В. И. [и др.] ; отв. ред. Н. М. Смирнова. Москва : Канон+, 2014. 415 с.
14. Маслова Т. Ф., Смагина М. В. Наказание детей // Социологические исследования. 2011. № 7 (327). С. 96–100.
15. Кудрявцев В. Н. Право и поведение : монография. Москва : Юридическая литература, 1978. 191 с.
16. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве : Политико-юридическое исследование. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1973. 193 с.
17. Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования : монография. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1988. 256 с.
18. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1973. 160 с.

References

1. Bavsun M. V., Veklenko V. V. Ideologicheskie osnovy ugovolno-pravovogo vozdejstviya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2013. № 5 (92). S. 131–138.
2. Stebeneva E. V. Ideologiya v strukturnoj modeli protivodejstviya korrupcii / Aktual'nye voprosy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti : materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 13 dekabrya 2024 g. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskaya akademiya sledstvennogo komiteta, 2025. S. 85–88.
3. Maksimov S. V., Marcev A. I. Obshchee preduprezhdenie prestuplenij i ego effektivnost' : monografiya. Tomsk : Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 1989. 235 s.

4. Bochkarev V. V. Predupreditel'naya funkciya norm ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodate'l'stva // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2015. № 4 (25). S. 19–25.
5. Bochkarev V. V., Gorban' D. V. K voprosu o preduprezhdenii soversheniya osuzhdennymi k lisheniyu svobody novyh prestuplenij kak celi ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodate'l'stva // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2022. № 4 (53). S. 16–24. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/4\(53\)/16-24](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/4(53)/16-24)
6. Teoharov A. K. O celyah i naznachenii ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodate'l'stva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2016. № 9 (70). S. 151–158. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.70.9.151-158>
7. Aristotel'. Ritorika : Poetika : [sbornik] / [perevod s drevnegrecheskogo N. Platonovoj («Ritorika»), V. Appel'rota («Poetika»)]. Moskva : AST, 2018. 348 s.
8. Es'kova L. K. Ustrashenie kak element obshchej prevencii // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2022. № 4 (239). S. 13–17. <https://doi.org/10.51522/2307-0382-2022-239-4-13-17>
9. Piontkovskij A. A. Izbrannye trudy : monografiya : [v 2 t.]. Kazan' : Kazanskij gosudarstvennyj universitet, 2004. T. 1. 343 s.
10. Zvecharovskij I. E. Ponyatie mer ugovolno-pravovogo haraktera // Zakonnost'. 2007. № 1 (867). S. 19–21.
11. Kurganov S. I. Mery ugovolno-pravovogo haraktera // Ugolovnoe pravo. 2007. № 2. S. 59–63.
12. Il'chenko D. A. Faktory formirovaniya obshchestvennogo soznaniya kak otkrytoj sistemy v sovremennoj Rossii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2017. № 3. S. 22–30. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2017-3-22-30>
13. *Intersub'ektivnost' v nauke i filosofii* / Alekseev A. Yu., Antonovskij A. Yu., Arshinov V. I. [i dr.] ; otv. red. N. M. Smirnova. Moskva : Kanon+, 2014. 415 s.
14. Maslova T. F., Smagina M. V. Nakazanie detei // Sociologicheskie issledovaniya. 2011. № 7 (327). S. 96–100.
15. Kudryavcev V. N. Pravo i povedenie : monografiya. Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1978. 191 s.
16. Noj I. S. Sushchnost' i funkcii ugovolnogo nakazaniya v Sovetskom gosudarstve : Politiko-yuridicheskoe issledovanie. Saratov : Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1973. 193 s.
17. Efremova G. H., Ratinov A. R. Pravovaya psihologiya i prestupnoe povedenie. Teoriya i metodologiya issledovaniya : monografiya. Krasnoyarsk : Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1988. 256 s.
18. Shargorodskij M. D. Nakazanie, ego celi i effektivnost'. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1973. 160 s.